

Елена Кондратьева

**Москва
-
Питер,
мы**

Елена Кондратьева

**Москва - Питер, мы
обязательно встретимся**

«Автор»

2026

Кондратьева Е.

Москва - Питер, мы обязательно встретимся / Е. Кондратьева —
«Автор», 2026

Главный герой Юра, не выходит из дома пять лет, он мечтает о смерти о окончании своего существования. По интернету он знакомится с молодой девушкой Настей, которая вселяет ему веру в будущее

© Кондратьева Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Кондратьева

Москва - Питер, мы

обязательно встретимся

Москва – Питер, мы обязательно встретимся.

1.

Я терпеливо вглядывался в свое отражение в зеркале. Длинная борода превращала меня в старика, а ведь мне было всего сорок лет. И зачем я отрастил ее? Я не собирался в священослужители. Ответ был прост – мне было лень бриться, честно сказать, иногда даже было лень почистить зубы или вообще встать с дивана. Не важно было, как я выглядел, никто не смотрел на меня взглядом полным любви и обожания, никто вообще не смотрел на меня кроме курьера, каждый день приносящего мне пиццу. Борода страшно чесалась и зудела, но мои руки все равно не торопились брать ножницы вплоть до сегодняшнего дня. Сегодня Настя должна была позвонить мне по скайпу.

Живая душа, единственная живая душа, которой я почему-то был интересен. В самом деле, я был неинтересен и сам себе, каждый день я проживал в надежде, что он скорее закончится и, возможно, завтрашнее утро принесет мне что - то новое, но нет. Каждый мой день повторял предудущий каскадом из серых, занудных и однообразных дней. Я забыл, когда в последний раз выходил из дома. Кажется, три дня назад я вышел на террасу, чтобы отогнать зловредную овчарку, что постоянно наровит залезть в дыру в моем заборе и не закрывает свою чертову пасть, пока в конец не охрипнет. Я едва ступил на террасу и меня охватило странное чувство, я не хотел идти дальше, я хотел вернуться в свою обитель, страх перед внешним миром сковывал меня. Так что я просто кинул в псину тапок и вернулся в дом. Я не попал, и махнатая зараза еще долго лаяла, бегая по моему двору. Я включил телевизор погромче, чтобы заглушить лай. Это не помогало, и я просто терпел, лень было выйти и отогнать ее, лень было заделать дыру в заборе, что бесспорно решило бы проблему раз и навсегда.

Все свои дни я проводил либо перед телевизором, смотря все сезоны в запой отечественных сериалов (почему нет, если мне не нужно вставать на работу) либо сидел в одноклассниках. Я пытался найти своего сослуживца Валеру, перелопатил уже тонну страниц, но все безуспешно, у этого гада была очень распространенная фамилия. Я наблюдал, как живет моя бывшая жена. Я понимал, что это ненормально, но не мог отказать себе в этом удовольствии. Только по фото я мог наблюдать, как растет мой сын. В прошлом месяце он пошел в первый класс, смотря его фото, я как будто бы был вместе с ним, по крайней мере такие эмоции я испытал, и у меня в мыслях это я держал его за руку, а не этот повеса – ее новый муж. Еще я любил просто смотреть на других людей, у которых была жизнь – как они путешествуют, как целуются, как задувают свечи на торте у дочки, на молодых людей – парней и девушек, у которых все еще впереди, которые не просрали свою жизнь, как я.

Одной из таких была Настя. Я случайно забрел на ее профиль, забрел и не смог отказать себе в удовольствии как следует попялиться. Это была молодая, рыжеволосая девушка двадцати двух лет, ее волосы были цвета червонного золота, натуральные – поскольку на носу имелись вкрапления веснушек – такие пышные и волнообразные, нос был вздернутый, придавал ей нотку ребячества, а глаза голубые – бездонные. Я смотрел ее фотографии несколько часов, начал еще с детских альбомов, и с каждым фото я все больше восхищался ей. На каждом фото она улыбалась, ее яркие голубые глаза светились полнотой жизни, у нее было все, что было недоступно мне. Когда времени было больше двух часов ночи, я решил свернуть свои ночные

разглядывания женских фото и пойти спать, случайно поставив Настиной фото оценку в два балла.

Проснувшись на следующий день, (я просыпался именно днем, я доводил себя до изнеможения ночью, чтобы подольше поспать, так день становился короче и безвозвратно приближалось мгновение моей скорой смерти) я как всегда побродил по дому, заглянув в комнаты на втором этаже, в очередной раз смахнул с себя желание пребраться там и пошел бездумно пялиться в окно. Мне нравилась тишина и спокойствие, время как будто бы останавливалось, и на мгновение я даже почувствовал некоторую радость. А там в далеке – речка, красивая, прозрачная, холодная. Вот бы хоть раз сходить туда и просто попялиться на водную гладь. Я отдернул себя. Сколько ты уже не выходишь из дома? – Спроосил я сам себя. Четыре? Нет. В следующем месяце будет пять лет. Подумать только.

Опять этот злостный, раздражающий лай, мне хотелось и самому начать лаять во все горло, только бы перегавкать это существо и заставить его заткнуться! Я, как обычно, сел за компьютер и вошел в одноклассники, там меня ждало письмо от Насти. Я остолбенел. Это та самая девушка, фото которой я смотрел пол ночи. Чего она хочет? Дрожащими пальцами я открыл письмо, в нем был вопрос: “Почему ты поставил мне два?”

Я быстро закрыл письмо, выключил комьютер и принялся безмысленно, как обычно, слоняться по дому, даже забрался на чердак, подышал многолетней пылью, потом заставил себя спуститься вниз. Я включил телевизор, по нтв шел одиннадцатый сезон моего любимого сериала. Это было то, что надо. Я пытался отвлечься. Эта девушка. Когда я открыл то письмо, дрожь пробежала по моему телу, мышцы напряглись, а мозг стал думать только о ней. Вот уж странные чувства, такое я чувствовал только к жене – бывшей жене – десять лет назад. А сейчас? Я даже не знаю эту девушку. Почему меня трясет?

Просмотрев все, что шло по нтв, доведя себя до полусонного состояния, я все –таки открыл одноклассники и ответил ей, что я поставил двойку случайно.

Если день нормальных людей за городом начинался с криков петуха, то мой начинался в гавканья зловредной собаки. И все было бесполезно, сколько раз я вызывал плотника починить забор и залить основание бетоном, эта сволочь умело делала подкоп. И я не мог понять, почему она стремилась забежать именно в мой двор? И где, черт подери, ее хозяин? Я был уверен, что общение с Настей ограничилось теми двумя репликами, я объяснил ей, что нажал двойку случайно, и этого было достаточно. Но я опять получил от нее письмо: “Давай познакомимся. Расскажи о себе”

Я проглотил быстро образовавшейся комок в горле. Рассказать о себе? Я даже выдавил из себя смешок. Я одинокий затворник сорока лет, живущий в доме, из которого не выходил уже пять лет, разведен и брошен, с пролежнями от постоянного валяния и просмотра телевизора, с длинной неухоженной бородой, с больной печенью, безцельно проживающий эту жизнь в ожидании кончины. Тебе понравится такой, а, Настя? Возможно, ты просто ошиблась, когда писала мне это письмо. Я не стал отвечать.

Но Настя была настойчивой, наверное, было что - то во мне, что заинтересовало ее. Может, я еще не до конца потерял? Она прислала знак вопроса. Я ответил вопросом на вопрос и спросил, почему она решила вдруг пообщаться со мной. Она сказала, что у меня добрые глаза.

Слова за словом, запятая за запятой, без орфографических ошибок, мы стали общаться с ней по несколько часов каждый день. Те недолгие секунды пока она не отвечала, казались мне вечностью, я ждал ее сообщения, как верный пес, о боже, нет, только не про собак, увольте. Четыре дня в неделю она работала в салоне до позднего вечера, она была парихмахершей, или как сейчас принято говорить, стилистом. Я ждал ее возвращения, на листок бумаги я набрасывал примерные темы для разговора и вопросы, которые хочу задать. И вот вчера, она захотела поболтать по скайпу. Я не хотел, чтобы она видела меня, на моей страничке в одноклассниках

фото, где я еще молод и хорош собой, с искрой жизни в глазах. А сейчас я что? Просто угасающий старик, которому только пятый десяток. Я согласился, согласился, потому что дико хотел увидеть ее, увидеть, как она скидывает свои шелковые, рыжие локоны за плечи, когда они мешают ей, как наклоняет голову, слушая меня, как моргает, хлопает длинными ресницами и морщит нос, как трогает мочку уха. Ради этого я даже сбрил свою многолетнюю, запутанную бороду. И вот день пришел.

Я очень плохо спал, волновался, как ребенок перед контрольной, сердце билось, как бешенное. Это будет мое первое общение с живым человеком, кроме курьера и соседки, тем более с таким красивым человеком, как Настя. Я очень долго не мог выбрать хорошее место для связи, моя уставшая рожа смотрелась совсем неподобающе при ярком солнечном свете, но, когда я задергивал шторы, все было еще печальнее, я выглядел, как скелет, надо бы мне начать лучше питаться, да что там, съесть что – то кроме пиццы для начала, и прожить один день без алкоголя. Я двигал стол с компьютером к разным стенам, но все было не так, стены были с обвалившейся краской, ни одна из них не казалась мне добротной, чтобы я посадил на ее фоне себя. Время поджимало, я устал, поставил компьютер на прежнее место, сел, успокоился, налил в бокал коньяк, принял звонок от Насти.

–

Привет, Питер, – поприветствовала меня она.

–

Привет, Москва, – ответил я. От чего – то ей очень нравилось такое приветствие, и я не возражал.

–

Как ты? – спрашивает она.

–

Потихоньку, – сказал я. Меня начинает подтряхивать от волнения, ноги начинают дрожать, но как ж

е хорошо, что она этого не видит. Какая же она красивая. Ее образ меня просто завораживал. И чего я так боюсь и стесняюсь? Ну поговорю я по скайпу с красивой девушкой, это ведь ничего не значит, она в Москве, я в Питере, мы все равно никогда не встретимся.

–

Может, как –нибудь увидимся в живую? – говорит она.

2.

Почти каждую ночь мне снилась моя жена – бывшая жена – Ольга. И хоть я был бесконечно зол на нее за то, что та сделала со мной, сон не был кошмаром, скорее сладостным бредом, из которого я не хотел просыпаться. Сон повторял один момент из нашей семейной жизни, ее самое начало, когда она еще не показала мне насколько она на самом деле испорчена, и я еще был одухотворен, что у меня такая женщина. Она работала риелтором, продавала квартиры старые и новостройки, не хватала звезд с неба, весь семейный бюджет был на мне. Она была никудышным продажником, я даже не знаю, зачем она вообще пошла в ту сферу.

Это была пятница, мы сидели в уютном ресторане и пили вино. Я был в костюме без галстука, как сейчас помню, рукава немного сдавливали мои бицепсы, не то что сейчас, мои кривые ручки болтались бы в нем. А вот она, она была великолепна! Тонкая, идеальная ножка лежала на другой, она подергивала изящной туфельной без задника, тонкие пальчики с длинными ногтями убирали густые, волнообразные, длинные пряди с лица, в этот приглушенном свете ее лицо казалось мне еще более красивым, голубые глаза казались еще ярче, веснушки добавляли пикантности, на ней было невесомое красное платье, длинное со шлейфом, который она несла в руках.

Ей позванили по работе, нужно было показать одну квартиру. Я просил ее отказаться и продолжить ужин со мной, я знал, что навряд ли сделка закончится успехом, а вот вечер пойдет коту под хвост. Однако она была настроена решительно, она была уверена, что посмотрев квартиру, ее обязательно купят, и тогда мы сможем целый месяц ужинать в этом ресторане. Я не смел ее переубеждать, и мы поехали на объект. Оказалось, что там еще идет строительство. При входе на нас неряшливо нацепили каски и отправили дальше во двор. Покупателя еще не было, мы решили подождать наверху. Наши ноги тонули в глине, ее изящные туфельки спачкались в земле и грязи, но она говорила, что все нормально. Я держал ее руку, она теряла равновесие - моя стойкая, упрямая женщина. Квартира была на десятом этаже и нам пришлось подняться по леснице пешком, было тяжело, ей явно было тяжелее, но она ни разу не подала вида.

Ничего особенного – бетонные стены да и только, мне сложно было представить квартиру, когда я видел еще только ее костяк, но она могла, и этот момент я запомнил навсегда, этот момент снился мне каждую ночь. Она проходила по коридору вдоль этих серых, безжизненных стен, окон еще не было, и в их отверстия врывался ветер, играл с подолом ее платья и ее волосами, она шла вперед и рассказывала мне об этой квартире, доме, строительной компании, я не внимал, я смотрел на нее и наслаждался взглядом на ее чудестный образ. Я был счастлив тогда. Неужели это моя женщина? Неужели она вся моя?

Я шел за ней, пытался догнать, пытался ускорить шаг, бежал, гнал, но она ускользала. Эти стены превращались в бетонный лабиринт, она проходила то влево, то вправо, я следовал за ее волосами и подолом платья, она смеялась. В один момент, когда она куда-то поворачивала, я бежал туда же, но она вдруг исчезала. Комната была пуста, я шел дальше, искал везде, ее не было. На этом моменте я всегда просыпался в поту, мое сердце колотилось в бешеном ритме. - Это сон, просто сон, – твердил я себе под нос и пытался восстановить дыхание. Я снова засыпал и оказывался в том же лабиринте. Ее не было, ее нигде не было! Но я слышал ее смех где-то вдалеке, я бежал на звук, бежал, спотыкался, бежал со всех ног, но звук был уже в другом месте и так до бесконечности. Мне становилось плохо, страшно, я чувствовал, как меня покидают силы. И в момент наибольшего напряжения я снова резко просыпался. На этот раз мне было намного хуже. Не было варианта снова уснуть, я бы вновь оказался в этом проклятом лабиринте. Я наливал до верха бокал коньяка и выпивал его большими глотками, потом шел к окну и пялился на звезды, напряжение в моих венах постепенно угасало и приходило приятное опьянение, с ним спокойствие. Я засыпал, мне более ничего не снилось.

Вчера же после разговора по видеосвязи с Настей мне приснился совершенно отличный сон. Там не было моей жены - бывшей жены, не было пугающих лабиринтов и отсутствовал всяческий страх. Мы гуляли по полю из одуванчиков - я и Настя, она держала меня за руку, моя рука плотная, мускулистая, не то, что сейчас, я снова физически здоров. Она в длинном, белом, легком платье до колен, на голове соломенная шляпка, рыжие волосы развевает ветер, солнце красиво падает на ее веснушки на лице, она тоже смеется, но это не звучит зловеще, скорее задорно как-то. Поле из одуванчиков простирается до самого горизонта и мы не видим его конец. Но мы не идем по нему с какой-то целью, Мы и не хотим, чтобы оно когда-нибудь заканчивалось, мы просто наслаждаемся этим моментом. Она останавливается, приподнимает свою шляпку и целует меня, так недолго, мельком, и мы снова идем вперед, она называет меня черепахой, говорит, что я иду медленно.

Проснувшись утром после этого сна, я впервые за несколько лет по-настоящему выспался. Я не вскочил с постели в холодном поту среди ночи, я проснулся утром. Кажется, я слышал, как кукарекает соседский петух. Блаженство.

И что же мне было делать? Девушка, с которой я переписывался два месяца, захотела увидеться в живую. Я не ожидал такого поворота, я думал, что наше общение ограничится переписками, редкими звонками как максимум. Но мы разговаривали каждый день по несколько

часов, и теперь она желает увидеть меня воочию. Как? Мы не обсуждали как и где, даже в каком городе – в Москве или в Санкт Петербурге. Я с испуга сказал да, решил, что потом придумаю отговорку, почему мы не сможем встретиться и постараюсь растянуть наше невербальное общение как можно дольше, чтобы у меня был хоть какой-то смысл жить дальше. Но проблема была в том, что я действительно хотел с ней встретиться, я страстно желал этого в глубине своей одинокой души. Я понимал, что не смогу поехать в Москву, но ведь она могла приехать ко мне. Только вот мне как мужчине следовало бы встретить ее на вокзале и отвести в приличный ресторан. Не мог же я сказать ей, чтобы она прямиком ехала ко мне домой? Господи, да я ведь даже калитку ей не смогу открыть! А что если мне сослаться на то, что я зоболел и не способен ее встретить, и сказать ей это, когда она уже будет в поезде? Отличная идея! Тогда мне не нужно будет выходить из дома, ведь мне нехорошо. Отличный, отличный предлог. Только одна загвоздка – нужно привести дом в приличное состояние. Сейчас сюда страшно приводить гостей, да и с себя стряхнуть пыль не помешает.

Мы договорились, что нам обязательно нужно встретиться, но пока что не обсуждали определенную дату. Мне это было на руку, мне нужно было время. Мы, как обычно, переписывались о том и сем, она спросила меня о родителях. Я рассказал ей о матушке, не хотел упоминать об отце, но пришлось, она настаивала.

Моя матушка была чудесной женщиной, я никогда не называл ее матерью или мамой, матушка и только. Она работала учительницей в нашей сельской школе, очень сильно любила детей и свою работу. За ней было приятно наблюдать, когда она писала планы уроков или проверяла тетрадки, это ее так увлекало. Мой отец работал на заводе, кажется электро-вычислительных приборов, но точно не помню. Матушка всегда любила меня, заботилась, а вот отец должного внимания ко не проявлял. Я как будто бы был назойливой мухой, всегда мешал ему, всегда приходил и просился на ручки не вовремя. То он читал газету, то фильм был больно интересный, то он собирался к другу на пьянку. Иногда он делал попытки поиграть со мной, брал меня на руки, пытался играть, но его хватало на пятнадцать минут, с ребенком пяти лет было неинтересно, с ним нельзя выпить стакан водки, и он не играл в карты, как его друзья. Он брал меня на руки и садил на пол с таким отвращением, даже не смотрел на меня, будто бы я был чем-то гадким и противным, будто бы от меня можно было испачкаться.

Чем старше я становился и чем чаще я просил его внимания, тем чаще он стал уходить из дома. Матушка говорила, что он просто азартный, не может остановиться, когда играет в карты, да и пьянство тоже болезнь. Это ничего, все равно рано или поздно он вернется домой. Когда он не приходил ночевать дома, она плакала, она не могла проверять тетрадки, глаза были мокрыми от слез. Я старался успокоить ее, но она говорила, что мне ей не помочь и лучше ей побыть одной. Когда я видел матушку плачущей, на мои детские глазки тоже наворачивались слезы. Отец мог не принести зарплату за месяц и проиграть ее в карты. Матушка говорила, что это ничего, так бывает. Их ведь в семье двое, так что месяц мы жили на ее зарплату. Отец стал ночевать дома все реже и реже, и когда мне было пять лет, он объявил, что уходит от нас. У него есть женщина без детей, и он в нее влюблен.

Матушка смиренно приняла это, она не стала скандалить, плакать или просить его не уходить. Она молчала, в душе она надеялась, что он не уйдет. Она смотрела, как он собирает свои вещи, в глаза ее просились слезы, но она их сдерживала, хотела казаться сильной. Она надеялась, что он еще передумает, обнимет ее крепко-крепко, и вот тогда она заплачет. Но он ушел. Напоследок он посмотрел на матушку, безразлично как-то, как на пустое место на стене, на меня посмотрел и скорчил гримасу, я был ему неприятен. Я не знал, почему.

Матушка всегда ждала его возвращения. Она часто сидела за обеденным столом и наблюдала в окно, прислушивалась, не скрипела ли железная калитка. Когда кто-то стучал или пытался открыть ее, она хватала свою шаль и бежала туда в надежде, что это отец. Но нет – соседи или родственники. Нет.

Когда я стал взрослее, я спрашивал у матушки, почему отец ушел. Она не знала, что ответить, как и на мой вопрос, почему он относился ко мне с таким презрением. Ну что ты, Юрочка, он всегда тебя любил, он просто не мог показать это и хранил внутри, он очень хороший отец и муж. Он... И она плакала.

Матушка помогла мне закончить школу и поступить в университет. Я всегда ей восхищался, она была женщиной волевой. Я всегда был хорошо одет, уроки всегда были выучены, дома всегда было чисто, и было, что поесть. При том, что когда отец ушел, он оставил на ней свои карточные долги, она как-то умудрялась все отдать и причем очень быстро, взяла дополнительные уроки, репетиторство, вечернюю школу, ночью мыла полы. Я любил ее, я знал, что когда буду учиться, буду подрабатывать где-нибудь по вечерам, и обязательно ей все возмещу.

Об отце мы никогда не вспоминали. Но вплоть до восемнадцати лет, пока я не уехал учиться, я видел ее у окна за обеденным столом, прислушивающейся, не скрипит ли калитка. За все время отец не объявился, не написал ни строчки, не поинтересовался, как его сын. Мы не знали о нем - ни где он, ни как он. Я не мог понять, как же мужчины могут так поступать с детьми, в один день просто захотеть и уйти, и ничего в груди не екает. Может, там и нет ничего, ничего человеческого? Просто подобие. Как можно создать величайший в мире шедевр и отказаться от авторства? Как? Как же?

В первый же месяц учебы в университете я устроился официантом в вечернюю смену. С матушкой я созванивался каждый день, жил в общежитии, на всем экономил, чтобы отвести деньги ей. Она была славной женщиной, слишком уж доброй, мягкой, податливой. Не брала мои деньги, тайком запихивала их мне в сумку или в карман. Я усвоил урок, на следующий месяц я привез ей два пакета с продуктами. Она не смогла отказаться. Мы всю жизнь на всем сэкономили, я купил ей все, на что она смотрела и не могла позволить купить. Мы впервые в жизни выпили вина. Она отнекивалась пить с родным сыном, но мне было восемнадцать, уже было можно. Никогда еще я не видел свою матушку такой расслабленной, спокойной, счастливой. Это был наш последний вечер, проведенный вместе. Ей было пятьдесят пять. Она умерла, когда я был на учебе. Инфаркт. Сердце было слишком слабое, слишком много в нем было доброты и тепла.

3.

Следующим устроим я с охотой открыл глаза. Обычно я лежал до последнего, чем позже мой день начинался, тем было лучше, тем скорее он шел к концу. Иногда мне вообще не хотелось вставать и я проводил в постеле половину дня. Каждый из дней тянулся, как пожеванная жвачка, бесконечно и нудно, не было даже надежды, что завтра сулит мне что - то новое. Но теперь, когда у меня появилась Настя, я с нетерпением открывал глаза и тянулся к телефону, чтобы прочитать ее – доброе утро. Как будто бы в темноте моей мрачной души загорелся огонек. И вот оно - ее доброе утро, заряд бодрости на целый день.

Обычно жизнь была настолько мне не мила, что вместо завтрака я пил стакан коньяка или водки. И вот тогда жизнь начинала казаться мне медом, не было жены, которая меня бросила, не было моего сына, чьи важные моменты жизни я упускал, и моего горького одиночества тоже не было. Я просто стоял у окна и пялился на улицу, на проходящих мимо людей – детей, пожилых, парочек, тех у кого была жизнь, тех, кто мог без труда выйти на улицу. Я же был затворником. Вторую половину дня я проводил за компьютером, просматривая профили живущих людей, подливая себя алкоголя в граненный стакан, мечтая, что это я, а не они, хожу по белому песку у моря, и на рыбалке с большой рыбой в руках, и в школе, держу сына за руку там тоже. Я подливал и подливал себе алкоголя, чтобы иллюзия меня не отпускала, чтобы не дай бог не осознать, что вот он я – старик за старым компьютером, развалюха, мечтающий о

тихой смерти. Если бы в дом ворвались грабители с пистолетом, я бы без раздумья подставил лоб к дулу и принял кончину.

В то утро я как обычно выпил стакан коньяка, не чем не закусив, терпкое тепло обожгло пищевод и прокотилось по всему телу. – Хорошо! – буркнул под нос я сам себе. Настя молчала, она всегда писала мне в метро по дороге на работу, а на работе я не отвлекал ее своей пустой писаниной. Я хотел было пойти в свое излюбленное место, постоять у окна и поглазеть, но отчего - то мне захотелось побродить по дому. Дом был довольно большой, кухней я не пользовался, в две спальни наверху я не заходил уже года два, да и не собирался, слой пыли наверно там был огромный. Внизу была моя кузня, я называл ее мастерская, так звучало солиднее, раньше это была оранжерея, моя жена – бывшая жена хотела выращивать там розы, но дело не дошло даже до посадки семян. Я превратил ее в мастерскую, она отлично вмещала все мои инструменты и там была печь – горн для обжигания железа. Я смотрел на нее - холодная, безликая, она так скучала по языкам огня, разинула свою пасть и словно бы просила меня выковать что – нибудь. Все мои инструменты – кувалда, молоток, бородки – все они были покрыты слоем пыли, на наковальне остался кусок железа, который я так и оставил недоделанным, время в той комнате как будто бы застыло. Мне отчего - то жутко захотелось взять в руки инструмент. Зачем? Старик уже наверное не на что не способен. Поднимешь сейчас молот своими слабыми рученками? Нет, ты можешь поднимать только стакан с ядом.

Картины из прошлого проносились в моей голове – я еще молодой и полный сил работаю кувалдой, мне так это нравится, железо слушается меня, принимает причудливые формы, все мои заказчики довольны и изумляются моей тонкой работой, молва обо мне идет через весь Санкт – Петербург. Деньги, у меня наконец то достаточно денег. И кажется теперь Ольга – моя жена наконец будет довольна, но нет. Все не так.

Я вытянул себя из пучины этих мыслей, мне становилось грустно при мыслях об Ольге, и все в этом доме все еще напоминало о ней, каждая недокрашенная золотом стена, каждая незамазанная трещинка, я оставил все на своих местах.

Сегодня Настя попросила меня рассказать о моей жене – бывшей жене. Я не знал, что сказать, как это приподнести. Эта рана в моей душе была слишком свежей, едва тронешь ее и начинало кровоточить.

Тогда мне было тридцать лет, я работал где придется – иногда на складе, иногда в строительстве – везде, где нужны были сильные руки. Работа тяжелая, но я не жаловался, особых амбиций у меня не было, заплатил за съемные квартиры, а что оставалось растягивал на месяц. Единственным утешением был алкоголь, пару глотков и вся усталось улетучивалась. В тот вечер я как обычно сидел в каком - то баре, сидел один и попивал медленно коньяк из красивого бокала. Вокруг было живо, играла музыка, люди болтали, бармен еле успевал наливать стакан за стаканом. Один столик стоял пустым.

Вошла женщина в длинном малиновом пальто без шапки, ее длинные каштановые волосы падали на плечи, она была стройной, миниатюрной, изумительно красивой – зеленые шпала, веснушки на белой, тонкой коже, вздернутый носик, тонкие розовые губы. Она тихо присела за столик и пыталась отогреться. Официант принес ей графин с водкой и стопку. Она выпила три подрят залпом. Взгляд у нее был пустой, потерянный, по ее виду было понятно, что что – то стряслось.

Я набирался смелость, чтобы подойти и заговорить с ней, но я не мог, меня будто бы сковало по рукам и ногам. Такая красавица, ну куда ты? – вторил мне внутренний голос. Но я должен был познакомиться! Я должен был! Я чувствовал как стрела Амура пронзила мое сердце. Я заказал еще бокал коньяка и еще, набирался смелости, как тигр перед прыжком. Но она выпила последнюю стопку и ушла.

– Как же так? Неужели я даже не попытался? – спрашивал я сам себя. Я почувствовал себя последним неудачником, алкоголь больше не лез в горло, я изрядно наклюкался, пока

готовился к прыжку. Тоже мне тигр! Я поспешил домой, но выйдя из бара я увидел ее на улице, курящей сигарету. Она посмотрела на меня и отвела глаза.

—

Что, тоже трудный день? – попытался я начать разговор.

Она глубоко вздохнула.

—

У меня тоже, – продолжил я. – Давайте надеремся сегодня?

Она протяжно выдохнула дым и снова посмотрела на меня.

—

А давайте.

Мои воспоминания были прерваны скрипом моей старой калитки. Я выглянул в окно. Это был мой курьер. Опять она! Эта наглая псина снова оказалась в моем дворе! Курьер подобрал мой тапок, небрежно брошенный в упомятого пса, присел на корточки и начал гладить собаку, нежно теребя ее уши и что – то приговаривая.

– Здорова, Юра, – сказал он, войдя в дом.

—

Здорова.

—

Вот, принес как обычно – самая жирная пицца и пятилений коньяк. Он положил коробку и бутылку на кофейный столик, надеясь получить кусочек пиццы и рюмку коньяка. Как обычно.

Курьера звали Константин, и он не работал курьером в привычном смысле этой профессии, однако был рад смотаться по моим поручениям за символическую плату. Он был моего возраста, с приличным пивным пузом и лысиной, очень веселый мужик, никогда не отказывался поесть и выпить, дома у него была жена и трое детей. Которой приходилось самой работать, ведь Костя ни на одной работе долго не задерживался, Обычно ему хватало одного недельного запоя, чтобы его в очередной раз уволили. Он перебивался шабашками и мелкими заказами в нашем коттеджном поселке – помогал по строительству и оказывал услуги такси. Он жил через два дома от меня.

—

Ты чего тапками бросаешься? – начал он.

—

Да это назойливая, негодная псина просто меня достала, сил никаких нет!

—

Эй, нельзя так говорить о беременных.

—

А это сучка?

—

Ага, причем с большим животом, кстати весьма милое и приветливое животное. А тебе надо быть чуть добрее, тогда мир заиграет совсем другими красками.

Он сел на диван и вальяжно развалился перед телевизором, взяв в руки пульт.

—

Угощайся, – сказал я, видя, как он смотрит на пиццу. А мне всегда хватало и половины, ел я мало, иногда мог вообще не есть по несколько дней, мой желудок совсем не чувствовал голода, там словно бы был камень. Я ел только, чтобы поддерживать внутри угольки своей жизни, еле теплейшиеся.

—

Вот это разговор! – воскликнул Костя и схватил самый больший кусок. – Как ты? Так же не выходишь из дому?

—

С того дня, как она не забрала его, я шага с порога не ступал, и не могу ничего с этим поделать, ты ведь знаешь.

—

Может, к врачу обратиться – к мозгоправу? Я слышал такое лечится.

—

Вот еще!

—

Ну и зря, а так бы я тебя на пьянку с шашлыками позвал, у меня во дворе устраиваем каждые выходные.

Не скажу, что я горел желанием сидеть в компании отъявленных алкашей и слушать их пьяный галдеж, но мне бы действительно не помешало выходить куда - то, хотя бы ради того, чтобы встретить Настю на вокзале, ради встречи с ней я бы пошел на что угодно.

— Я налью рюмочку? – тактично спросил курьер. Впрочем, мог бы и не спрашивать, он всегда делал так, когда приходил.

—

Тебе налить?

—

Нет, я пока не буду.

—

Что так? Ты всегда выпивал за компанию, одному пить - то последнее дело.

—

Настя скоро будет звонить по видеосвязи, не хочу быть пьяным.

—

Какая Настя?

—

Девушка, с которой я познакомился в одноклассниках, я говорил.

—

Ты упоминал что – то, но я подумал, что это несерьезно. Покажи фото.
Я показал ему Настины фотографии.

—

Ну ничего себе, какая красotka! Волосы рыжие, как огонь!

—

Да, – протянул я с улыбкой, которую не смог скрыть.

—

Только один вопрос: – А ты то ей зачем?

—

Я ей понравился, для меня это тоже было неожиданно, я был уверен, что уже не способен кому – то понравиться.

—

Ты давно себя в зеркало видел? Жрешь одну пицуу, да пирожки или что - то жирное, ручки, ножки тоненькие и с пролежнями, хоть побрил бороду свою и то уже плюс. Может, мне тебе вместо коньяка гантели привезти?

—

А привези.

—

Серьезно?

—

Да, правда, а вместо пиццы можешь привести что - то более здоровое – мясо там и овощи.

—

Могу конечно, мне = то большему счету все равно, что привозить.

Он налил еще рюмку конька и выпил залпом, не закусывая, ее лысина покраснела, видно было, как по телу пролилось приятное тепло.

Мое решение купить гантели и перейти на здоровое питания было импульсивным, я не знал, смогу ли придерживаться этого плана, я мог сорваться уже в первый день, мой организм за пять лет уже привык к жаренному в сочетании с алкоголем.

—

Ну все. Бери себя в руки, говорю тебе, и не обижай больше собаку.

—

Да я бы переборол себя только ради того, чтобы врезать ей под зад!

Я остался наедине с собой и старался переварить все, сказанное Костей. Настя до сих пор была на работе, волнение и боязнь нового сгрызали меня изнутри, а бутылка коньяка с уже приготовленной рюмкой так и манила пригубить. Я облизнул губы. Ну может, рюмочку? Ничего страшного не будет, Настя и не заметит.

Мои руки тряслись, но я старался держаться из последних сил, кажется будто бы голова закружилась и все тело молило о священной капле запретного яда. - Ладно, старик, ты заслужил! Это тебе за решение вести здоровый образ жизни.

Выпив, я изрядно осмелел и решил вновь попробовать выйти из дома. В конце концов, кость был прав, мне нужно было взять себя в руки. Мне казалось я собрался с силами, когда я направился ко входной двери. Пару минут я стоял неподвижно, потом левая нога как будто бы сама поднялась, и я попытался шагнуть вперед. Не тут то было, я мгновенно встал в ступор, горло сдавило, что - то не давало мне дышать, голова закружилась, а в глазах потемнело, меня оковал дикий страх.

Мне стоило больших сил шагнуть назад и уйти в дом. Дома я сразу же почувствовал себя в безопасности, я сел на диван, и мне вдруг стало хорошо и спокойно. Лучше сидеть дома, чем еще хоть раз пережить такой ужас. Позвонила Настя, я включил видео связь и поставил телефон на стол.

—

Привет, Москва, – сказал я.

—

Привет, Питер, – ласково ответила она.

—

Как же долго я тебя ждал.

Перед разговором с Настей у меня всегда был мандраж, меня трясло, как подростка перед первым поцелуем.

—

Я сестренку укладывала.

—

Ясно.

—

Так что, ты расскажешь мне о своей бывшей жене?

—

Давай не сейчас.

—

Ну, хорошо, давай просто фильм посмотрим вместе, я так устала и хочу валяться, но и по тебе тоже соскучилась.

—

Как это вместе? Мы ведь так далеко.

—

Просто одновременно включаем фильм, смотрим, комментируем.

—

Идет.

Настя выбрала фильм с Джимом Керри – веселую комедию. Мы вместе смеялись и вместе комментировали поступки главного героя, нам было весело. Только вот я не выдержал и часа без коньяка, делал вид, что пошел на кухню, а сам в тихую выпивал рюмку – другую. И этот старик еще собирался вести здоровый образ жизни? Кажется днем я слышал от него такое, если не ошибаюсь.

Настя устала, ее рабочий день был сегодня долгим, посмотрев половину фильма, она уснула, я не стал ее будить, а просто наслаждался ее видом - такая красивая и спокойная. Потом она отвернулась к стенке и откинула одеяло, я увидел ее белые трусики, теперь картина была еще живописнее. Что - то внутри меня, что очень долго находилось в спячке ожило, чем изрядно удивило меня, я думал, что алкоголь убил все на корню. Я досмотрел фильм, поочередно смотря то в телевизор, то на Настю. И уснул так же с включенным телефоном, чтобы проснувшись завтра утром, она могла полюбоваться на мой живописный вид.

4.

Мне снился странный сон. Моя жена – бывшая жена Ольга стояла у открытой двери какой - то старой лачуги – домик был деревянный, гнилой и даже перекошенный, рядом с лочугой валялось старое корыто и пустые ведра. Ольга была в длинной белом платье, но низ платья был запачкан грязью. Она махала мне рукой и манила к себе. Я нехотя подошел к домику и заглянул внутрь. Там почти ничего не было – неубранная деревянная кровать и стол со стульями, в печи не горел огонь, на столе стояли пустые чашки.

—

Заходи, Юра, – говорила она.

Но мне не хотелось заходить, что – то будто бы удерживало меня.

—

Юра, иди ко мне! – услышал я голос где – то из далека.

Я обернулся. Далеко – далеко в поле из подсолнухов стояла Настя – в чистом белом платье и соломенной шляпе с полями.

—

Я тут! Ну чего ты не идешь? Догони меня! – крикнула она и побежала вперед.

Я рванул за ней. Я бежал и бежал из всех сил, но Настя только убегала все дальше и дальше. Я обернулся. Лачуга была прямо позади меня. Как? Опять? Я сделал еще одну попытку догнать Настю, я бежал, что есть мочи, дыхание участилось, я бежал и бежал пока ноги не стали меня слушаться. Но Настя превратилась в маленькое белое пятнышко на горизонте. Я обернулся, я предчувствовал страх. Лочуга снова была позади меня. Я снова посмотрел на Настю, она исчезла за горизонтом, ее зов больше не был слышен. Ольга все еще ждала меня.

Я проснулся в холодном поту, дыхание было учащенным. Как будто бы я и в правду бежал долго и упал без сил. Что – за чертовщина? Почему не может присниться что - то радужное?

Я охватил голову руками. Что же это было со мной? Хотя, кажется, я понимал. Настя просила, чтоб я рассказал ей про Ольгу, вот ее щупальца и вкрались в мою голову. Я так не хотел вспоминать. Но я должен был ей все рассказать. Я должен!

Немного придя в себя, я выпил залпом рюмку коньяка. Я никогда не закусывал, мне дико нравилось дивное тепло, что растекалось благодаря ему по моему пищеводу. Ну вот, теперь можно было начинать день, еще один скучный и монотонный день. Хотя Настя, а вот и ее доброе утро в семь утра. Уже было двенадцать дня. Мое утро только начиналось.

Я как обычно прошел в свою мастерскую, там все так же было погруженно в пыль. Жизнь там как будто застыла, хотя это можно было сказать о всем моем доме. Там все осталось как в последний день моей работы, когда его оторвали от меня, забрали, я так и не доделал последний заказ, заказчик был очень сильно зол; часть железа так и ждала моей руки на наковальне, молот покоился рядом, ожидая своего часа. Да, дружище, теперь я даже не способен тебя поднять, не то, чтобы тобой орудовать. Я взял в руки поочередно несколько инструментов, смахнул с них пыль. Я закрыл глаза и тяжело вздохнул, как же я скучал по работе. Смогу ли я когда - то снова этим заняться? Никогда. Я не способен.

Настя написала, что освободится в четыре, нас ждал разговор, я должен был рассказать ей. Вторая рюмка легко промочила мое горло и дала приток бодрости. Ольга, жена моя – бывшая жена. От чего - то я думал о ней. Я не смог противиться себе и набрал ее номер, хоть и понимал, что не стоило.

—

Чего тебе? – резко ответила она после третьего гудка.

—

Привет. Я подумал, что давно не звонил тебе, и вот решил...

—

И зачем позвонил?

—

Просто так.

—

Извини, но у меня нет времени, я готовлю обед для Бориса, он скоро вернется с работы. При слове готовка я усмехнулся где – то глубоко внутри.

—

Я понял. Как там Кирилл?

—

Хорошо, из школы одни пятерки приносит.

—

Когда ты приведешь его?

—

Через неделю, как обычно. Все, мне некогда разговаривать.

Она бросила трубку, она никогда не была рада мне. Ольга... Я закрыл глаза. Нужно было как - то отвлечь себя, мысли о жене (бывшей жене) съедали меня изнутри, как кислота. Я включил телевизор и в поиске каналов забрел на добротный сериальчик, налил себе третий бокал коньяка, только бы не наклюкаться до четырех перед разговором с Настей. Она прислала смс, что я красиво сплю. Я улыбнулся.

Я пытался отвлечься, но не мог. Да и как можно было? Все в этой комнате было сделано и выбрано Ольгой. Я посмотрел на золотую стену, которая была покрашена лишь наполовину, так она и бросила ее. Я все смотрел на эти трещинки в стене.

Через два месяца после встречи с Ольгой, я позвал ее замуж и она сразу же согласилась, наши отношения строились на страсти, частом сексе и разговорам по душам за бутылкой. Я не думал, что стоило искать что – то лучшее, я искрине ее любил. Она переехала в мою съемную квартиру. Первые месяцы это была идиллия, я был счастлив, она готовила вкусные обеды и ждала меня в работы. Я приходил и приносил несколько бутылок вина, иногда она лишь ругала меня, что я принес мало. Алкоголизм и секс объединил нас, хотя, в сущности, мы друг о друге

почти ничего не знали, более ничего общего не было. В начале Ольга терпела и не показывала свою настоящую звериную натуру, но потом понемногу это начало открываться. К моему возвращению не был сварен обед, она начала жаловаться на головную боль. Ее приводило в бешенство то, что мы живем на съемной квартире. – Это все не мое! Все тут не мое! – кричала она и била посуду. Она перестала убираться, не хотела все по той же причине. Зачем наводить чистоту, если этот дом не наш? Она сдергивала зановески и ломала гардины. Снова смахивала посуду со стола. Я часто становился перед ней на колени, клал голову ей на ноги и просил успокоиться, уговаривал приготовить ужин или чаще всего готовил его сам. Она просила приносить больше вина, а потом мы и вовсе перешли на коньяк. Только подобные приступы стали появляться все чаще и чаще, она совсем перестала убираться и готовить, все время плакала и говорила, что так жить она не может, все не свое. Я старался добыть больше денег для нас и брал больше работы. В момент одного из приступов я сказал ей, что мы возьмем ипотеку и будем жить в своей квартире, все будет свое, а я буду брать больше работы на стройке. Она просияла на какой-то миг, загорелась идеей сама сделать ремонт и выбрать мебель. – Тогда я буду готовить и убирать, да и пить мы обязательно бросим. Тогда она решила стать риелтором, чтобы помогать мне с платежами. Безполезно было возражать.

И на какой – то момент все действительно наладилось. Тогда я хорошо заработав, решил купить путевку в Тайланд. Ольга еще нигде не была и была этому очень рада. Первые дни все было безоблачно, но потом ее склочная натура снова начала потихоньку выходить. Ей не нравился наш отель, он был всего три звезды. – А там, посмотри, рядом пять звезд. Вот это отель, вот люди живут, не то, что мы. Лучше бы мы вообще никуда не ездили, а то только и можем смотреть, как настоящие люди живут, – причитала она. Ей не нравилась еда в ресторане, все было, на ее взгляд, не вкусным, несносным. Вкусно только в ресторанах, куда ходить мы не можем себе позволить.

Однажды мы с ней прогуливались по набережной, где стояли яхты, о чем – то болтали. Я боялся, что она заведет разговор, что мы не люди, ведь яхты у нас нет.

–

Гера, ты погляди, русские! – крикнул кто – то с яхты.

Мы оглянулись, на борту большой и белоснежной яхты стояла пара.

–

Поднимайтесь к нам! – крикнула женщина.

Мы переглянулись и послушались.

Мы познакомились с семейной парой – Гера и Марина, они были тоже из Питера. Они уже неделю как путешествовали по морю, и им было очень скучно, вся прислуга была из Тайланда. Они вежливо попросили нас составить им компанию. Я не горел желанием, но Ольга уговорила меня, ее глаза буквально искрились. И так мы отправились в море с незнакомыми нам людьми, они были очень щедрые, угощали нас лучшими винами и явствами, которые мы никогда не пробовали. Ольга говорила: Вот это еда, вот это жизнь, вот они настоящие люди. А я смотрел на маленький кусочек мяса на тарелке, жадно политый красной жижей или на пару креветок, запутавшихся в листьях салата, и не понимал, что тут настоящего. Да, вино было вкусное, до этого мы могли позволить себе лишь вино по акции. Ольга пила вино и смаковала каждый глоток, наслаждалась каждым порывом ветра. Она и Марина часто спускались в трюм, где марина показывала моей жене свою коллекцию туфель и сумок, давала примерить одежду. – Вот это вещи! Вот это жизнь! – говорила Ольга. Я был не в восторге от путешествия и этой компании, с Герой мы не нашли общего языка, он рассказывал мне об инвестициях, но мне это было не интересно, так же как и ему моя работа рабочего, я только и мог, что инвестировать в свое опьянение. Чаще всего они сидели на палубе втроем, рыбачили, купались, поедали явства и пили первоклассное вино, я часто слышал смех. Я спускался в каюту и читал то, что мог найти. Я просто ждал конца этого путешествия, я терпел ради Ольги.

Наше путешествие длилось семь дней, и я не мог не порадоваться, когда оно наконец закончилось, и мы могли вернуться домой. Настя уходила не хотя, в ее глазах читалась печаль. Тогда я кое что понял, да и она тоже. Она заслужила намного лучшей жизни, чем я мог ей дать, и я не мог требовать от нее быть со мной в съемной квартире, оплачивать ипотеку и пить вино по акции, заедая дешевой закуской. Мы расстались. Она быстро собрала свои вещи, однако через неделю она сообщила мне, что беременна.

Я знал, что расскажу Насте, я расскажу все, как есть, и пусть она думает, что хочет. Я расскажу.

Я терпеливо рассказывал все Насте, сидя за старым ноутбуком на кухне. Она внимательно слушала, то поддвигая кончиком носа, то теребя мочку уха с жемчужной серьгой, ни разу не перебила и дала мне все изъяснить.

—

А дальше? Что было дальше?

—

Настя погоди, кажется борщ выкипает, - сказал я и встал со стула.

Как я и просил, курьер Костя принес мне не пищу, а овощей с мясом, я быстро вспомнил, как готовить борщ. В готовке мне не было равных, я очень хорошо умел готовить, Ольга всегда восхищалась моими кулинарными способностями. Хотя, возможно, она делала это, чтобы не готовить самой. Как же мне хотелось приготовить ужин для Насти, подлить ей хорошего вина в бокал, зажечь свечи. Но она была так далеко, хоть я и мог видеть ее на экране монитора. Она смотрела, как я помешивал борщ в кастрюле, и я знаю, она бы хотела, чтобы я был в одном фартуке на голое тело. Стоп, старик, что за фантазии? Удивительно, что она разбудила меня как мужчину, я чувствовал, что во мне просыпается лев, и добыча была одновременно близко и далеко.

Курьер не принес мне коньяк в этот раз (я сам попросил его), ведь я собирался бросить пить, о чем пожалел с самого утра. Мой привычный ритуал – начинать утро с бокала коньяка был нарушен, и весь день я чувствовал, что мне чего – то не хватает, губы были сухие, и я косился на пустую бутылку, стоящую на столе, и облизывал их. Еще он принес гантели по восемь килограмм, хотя я просил для начала принести мне поменьше. Я совсем ослаб. Я попытался поднять одну, но не вышло даже и одного раза. Зато Костя мог спокойно поднимать и опускать их обе. Он сказал: – Не переживай, друг, не все сразу. Пусть сначала один подход, потом два, три, пять, и дело пойдет. Ну хорошо, дело пойдет, возможно, в скором времени я даже смогу снова поднимать молот. Эх, мечты!

Я снова сел за стол.

—

Ты знаешь, у тебя очень уютная кухня. Зря ты не показывал мне ее раньше.

—

Она долго пустовала, я и забыл, что значит готовить что – то.

—

Я бы не возражала, чтобы ты приготовил что – то для меня.

—

Я с удовольствием сделаю это при первой возможности.

Я выглядел смешно в этом старом фартуке с цветочками, он остался тут еще от отца, но Настя смотрела на меня с обожанием в глазах. Я был ей интересен, я ей нравился, пойми почему.

— Ты расскажешь, что было дальше?

—

Давай не сейчас, мне очень больно вспоминать о ж.... бывшей жене.

—

Ладно.

Я подошел к плите, было времена закинуть в кастрюлю капусту. Настя следила за каждым моим шагом, а я все еще стеснялся говорить с ней по скайпу, руки тряслись и трудно было подбирать слова. Хотя прошло уже три месяца, как мы общаемся, каждый раз был, как первый.

—

Ты сказал, вы хотели взять ипотеку, но ты живешь в доме за городом. Это его вы взяли в ипотеку? – спросила Настя. Видимо, она все еще хотела услышать продолжение истории. Ну что ж, можно и рассказать эту часть.

Мы уже собирали документы на ипотеку, когда мне поступил звонок, звонил нотариус моего отца, сообщил, что отец находится при смерти и очень хочет видеть меня. Это было его последнее желание. Ничего не сказав, я бросил трубку. Внутри меня разрывало от чувства некоего долга, ведь это мой отец, он дал мне жизнь, и от нежелания видеть его даже на смертном одре. Я был обязан поехать, так было по хорошему, по человечески. Но разве он был настоящим отцом? За все время не купил мне даже тетрадки в школу, ни разу не повидал нас с мамой. Весь день я мучился вопросом – стоит ли мне поехать, и решил, что все – таки я должен это сделать. Следующим утром я взял на прокат машину и поехал по адресу за город. Все это время отец жил от меня всего в двухстах километрах. Я ехал за рулем и меня все еще съедало чувство неуверенности в моем поступке, голова была занята этими мыслями. А не повернуть ли мне назад? Что я скажу ему? Как мне удержаться и не плюнуть ему в лицо? Как мне удержаться и не сказать всего, что я о нем думаю?

Голова была ватной, тяжелой, я никак не мог совладать с этими, мучавшими меня мыслями, поднялась температура и я почти ничего не соображал, когда я начал перестраиваться, то чуть не врезался в другую машину. Потом, проезжая по скоростной трассе, пытаясь обогнать авто, я чуть было не врезался в грузовик. – Нет, это никуда не годиться, – думал я. Я не хочу и не могу его видеть, он не заслуживает рассказания, не заслуживает моего прощения после этого всего. Он достоин своей одинокой смерти, достоин умереть в безмолвии в холодной постели. Это все, чего он заслужил. Я ничего ему не должен. И с этими мыслями я развернулся через сплошную и помчался домой, меня сразу отпустило, я почувствовал облегчение. Я все сделал правильно.

—

Мой отец умер и завещал мне этот дом, других детей у него не было.

—

Это классно. Ольга наверное была очень рада, – предположила Настя.

—

По началу да, очень. Она загорелась идеей обустроить дом, сделать ремонт и превратить его в наш собственный дворец с золотыми стенами.

—

А дальше?

—

Я устал от этого разговора, прости.

—

Это ты меня прости.

Я снова пошел помешивать борщ, Настя снова смотрела на меня. Впервые за долгое время я чувствовал себя важной персоной.

—

Что за шум? – спросила Настя. Не знала, что у тебя есть собака.

—

Это не моя, просто чья - то псина все время забредает ко мне во двор и лает.

—

Я люблю собак.

—

Я тоже, - сказал я, стиснув зубы.

—

Почему ты не отремонтируешь забор?

—

Это животное умеет делать подкоп.

—

А ты не пробовал подружиться с ней? У верена, это милое существо.

—

Вот еще!

—

Вот и зря.

Я все - таки написал курьеру и попросил привезти мне коньяка, жажда была такой сильной, что я боялся не дожить до следующего дня. И без коньяка я совсем стеснялся разговаривать с Настей, коньяк был моим эликсиром смелости.

5.

Мне снился необычный сон, теперь никто не убегал от меня в поле из подсолнухов, мы были вместе с Валерой – моим старым другом, и были мы на войне. Вокруг гремели взрывы, никого из нашего полка не осталось, мы сидели вдвоем в окопе, бессмысленно было наступать, их было слишком много, так что мы просто терпеливо ждали смерти, надеясь в глубине души, что все - таки нам повезет, мы выживем и уползем оттуда целые и здоровые, что мы умрем позже, но не здесь.

—

Как же долго я тебя искал, – сказал я.

—

Так вот он я, я никуда не уходил. Юра, ты чего?

И вправду, я видел его рядом с собой как живого, настолько настоящим был тот сон. Мне столько следовало ему сказать, рассказать обо всей моей жизни, но в тот момент я думал о другом. Я хотел передать письмо своей любимой женщине на случай, если он вдруг выживет, а я нет. Я опустил в руку в карман, чтобы достать письмо и фотографию.

—

Пожалуйста, дружище, если меня не станет, передай это моей любимой, – попросил я.
– Передай это ей.

—

Кому ей?

—

Ну как же, моей любимой женщине.

—

Но ты забыл написать имя. Кто она?

—

Как кто?

—

Тут две фотографии.

Я опустил взгляд, действительно с одной черно – белой фотографии на меня смотрела Ольга – пустое выражение лица, холодный, отрешенный взгляд, на другой была Настя – ее глаза горели, она улыбалась.

– Знаешь, друг, сначала надо отпустить одну женщину, чтобы начать со второй. Так кому письмо?

В этот момент я проснулся в холодном поту. Валера - мой армейский товарищ, сколько Валер Ивановых восемьдесят пятого года рождения я перелопатил в одноклассниках, но так и не нашел его. Он был самым лучшим другом, лет десять после армии мы поддерживали связь, потом этот гад уехал в Москву и сменил телефон. Прежде, чем начинать с другой женщиной, надо забыть старую? Просто взять и забыть о матери моего ребенка, о женщине, которая бросила меня, частица которой в каждом сантиметре этого дома. А может сделать ремонт? Руки у меня растут откуда надо. Да точно, поменять все! Все, все, и зажечь полной жизнью, сменить мебель, обои, краску, и перестать, наконец, смотреть ее фотографии в соц сетях. Нас как будто бы все еще связывали невидимые нити прошлого, Ольга эти нити старалась оторвать, а я сшивал заново вновь и вновь.

Я проснулся довольно рано - в десять утра, прочитал от Насти привычное - доброе утро и ответил со смайликом поцелуя. Настя. Настенька, я уже не мог дожидаться, как она мне позвонит по видео, моя девочка. Я предвкушал этот момент, и снова затряслись руки. Когда же этот мондраж прекратиться? Мы общаемся почти три месяца. Как же я буду целовать ее, когда мы встретимся, ноги же просто не удержат меня. Я вздохнул. Глупо было мечтать о встрече до тех пор, пока я не могу переступить порог моего дома. Очень глупо, старик, просто общайся с ней, общайся, пока в один прекрасный момент ей не надоест.

Я отказался от своего привычного ритуала и не выпил с утра рюмку коньяка, я хотел попробовать поднимать гантели. Я включил подходящий сериал и встал в стойку. Одно усилие, еще одно. Я смог поднять гантели только два раза, на третий руки просто отказали. Ну ничего, если делать это каждый день, как сказал Костя, все получится. Я верил.

– Привет, Москва.

–

Привет, Питер.

–

Я целый день ждала нашего созвона, выматалась на работе, целых пять клиенток было, и все со своими проблемами, рассказывают мне о своих мужьях, как будто бы мне интересно.

–

А ты рассказываешь обо мне? О мужчине намного старше тебя, который живет за несколько тысяч километров.

–

Я не люблю делиться с малознакомыми людьми.

–

Вот и правильно.

–

Я так хочу к тебе в Питер, сегодня искала, что тут можно посмотреть. Ты же мне все покажешь?

–

Что именно? Музеи?

–

Ой нет, я хочу погулять по крышам, встретить рассвет с тобой, держась за руки.

–

Я погуляю с тобой по крышам.

–

Еще хочу поплавать на кораблике, посмотреть, как разводят мосты.

–

Мы покатаемся на лодке, для нас будут подавать лучшее шампанское, будет играть оркестр, петь певица с чудестным голосом.

—

А я буду в красивом красном платье до колен, на каблуках и с распущенными волосами, который будет развивать ветер.

—

А я буду в джинсах.

—

Ну нет, брюки и красивая рубашка, там же оркестр.

—

Потом я выведу тебя танцевать и обниму крепко – крепко.

—

И в этот вечер никто для нас не будет существовать, только мы.

Я откинулся на спинке кресла и на пару минут отключился, Настя, кажется, тоже предавалась мечтам.

—

Да, иду! – крикнула она, повернувшись.

—

Мама зовет, позже договорим. Ладно?

И она убежала, оставив меня наедине со своими мыслями, у себя в голове я уже был на корабле, сидел за столиком и смотрел в ее зеленые глаза, пил шампанское, хоть у меня от него и изжога, обнимал ее на палубе, давал свою кофту, чтобы она не замерзла, танцевал с ней до утра, пока лодка не причалит к берегу. Я был настолько воодушевлен, что налил себе первый бокал коньяка и выпил залпом. Ох, как же хорошо! Моя Настенька, она так хочет увидеть меня, она уже планирует, что мы будем делать. А я... Я тяжело вздохнул. Если бы я только мог, я бы попросил ее, чтобы она приехала прямо сейчас, я бы бегом помчался в аэропорт или на вокзал. Я налил еще один бокал коньяка и выпил за три глотка.

О нет, опять эта чертовщина, опять эта мерзкая животиная пришла гавкать в мой двор. Гадина, сейчас я в тебя тапком!

Я был настолько зол, что она отвлекла меня от приятных мыслей, что помчался со всех ног во двор. Странно, но я не заметил, как спустился на одну ступеньку ниже. И тут снова ступор, боль в сердце и животе. Что - то невидимое опять остановило меня. Я еле сдержался и не упал, поднялся на одну ступеньку, и мне тут же стало легче. Я попробовал спуститься снова и ничего! Со мной все было в порядке, ни боли, ни ступора. Значит вот как! У меня получилось преодолеть ступеньку, целую ступеньку! Это был немыслемый прогресс. Я попробовал опустить ногу снова, но боль вернулась. Так ладно, не все сразу. А что если?...

Шавка подбежала ко мне, лаяла прямо возле крыльца и махала хвостом. Она как будто бы хотела что – то сказать. Может, чтобы я шел дальше? Мне перехотелось кидать в нее тапком. Я провалился в свои мысли. А что если все получится? Что если вот так по чуть – чуть я смогу выйти из дома? Каждый день как с гантелями - там где один раз, там два, а потом пять. Все ради Насти.

Я услышал, как открылась калитка и выглянул в окно. Это была моя соседка Мария Степановна с банкой молока в руках, милейшая старушка, бабушка – одуванчик. Она была совсем одна, ее муж умер, а у двоих детей, как она говорила, была своя жизнь. Они звонили раз в неделю, и она была рада хотя бы этому. У нее не было подруг и она нашла собеседника в лице меня – такого же одинокого отшельника.

—

Юра, привет, – сказала она с порога. Ты где?

—

На кухне.

—

Ох, хорошо.

Ковыляя на своих больных ногах, она прошла на кухню и поставила банку с молоком на стол.

—

Вот, принесла тебе. Заказываю на ферме, натуральное.

—

Спасибо вам большое. Чаю?

Я знал, что старушка хочет стопку водочки, которая всегда припрятана у меня в шкафу, водочка со вкусом яблока и яблочный сок.

—

Да, можно, но только немного.

—

Всего одну рюмочку.

—

Наливай!

Я налил себе коньяка в бокал, уже много лет я предпочитал только определенный коньяк.

—

Как ты, Юрочка? – спросила она.

—

Не жалуюсь. Встретил девушку, то есть как встретил, мы...

—

Как встретил? Ты ж не выходишь за порог, – удивленно сказала она и выпила рюмку залпом, запила соком, попросила соленых огурцов, их не было.

—

Ох, скоро принесу тебе. Я сама делаю закрутки, пальчики оближешь!

—

Мы с ней познакомились в интернете.

—

Как это?

—

Долго объяснять, мы общаемся онлайн и пока еще не виделись.

—

Надо же. Мне этого не понять. Девушка то красивая?

—

Очень красивая. Рыжая и с веснушками.

—

А ты верен своему вкусу. Любишь ее?

—

Люблю.

В этот момент я впервые признался себе, что любил Настю, и это было чистой правдой. Я любил ее, как же я ее любил, она была светом в моем окне, таким ярким светом, что ослепил всю мою жизнь и предал ей смысл. Теперь, если бы ко мне в дом ворвались бандиты (что вполне могло случиться, ведь калитка и двери всегда были открыты) я не встал бы на колени и не подставил бы лоб для пули, я бы боролся, боролся, как только мог.

Она попросила вторую рюмку водки и я с удовольствием налил. Она была хорошей собеседницей, слушала мои проблемы по третьему кругу и снова и снова рассказывала, как сильно она любила мужа, и том, что жалеет, что не помогла во время, когда у него случился инфаркт. Хотя я и понимал, что она не виновата и говорил ей об этом тысячу раз, она не слушала. Порой она плакала и я ее утешал, она немного напоминала мне матушку – такая же кроткая с огромным добрым сердцем.

– Мой сын сегодня звонил мне, поговорил пять минут и сказал, что занят. Вечно ему нужно куда – то бежать, – сказала она жалобным тоном.

–

Главное, что не забывают о вас.

–

Да уж, не забывают, все дела у них. Вот жена у старшего сына недавно родила, а меня даже не позвали первую внучку увидеть.

–

Так вы сами приедте. Это же важное событие.

–

Ох, не люблю я напрашиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.